

Девиз рыцарей культуры

Может быть, стоит вывести на наших щитах закон:
культура есть
Сущность,
Дух,
Смысл,
Пружина,
Свет,
Путь воспитания и образования.

*Шалва Амонашвили. В чаше ребенка
спит зародыш зерна культуры.*

Год или два тому назад к нам в Москву приезжал лорд Менухин. Состоялся “круглый стол”. Меня тоже пригласили. Лорд Менухин развивал свою идею: сблизить человечество поверх политических споров, через людей искусства. Предполагалась какая-то новая встреча. Но вскоре Менухин умер, и его начинание заглохло. А между тем, оно было неслучайно. Сразу после войны, когда Германия была извергнута из международного общения, когда еще не изгладились потрясения от Холокоста, Менухин поехал в эту страну с серией концертов. Двадцать лет спустя, когда Израиль был упоен своей победой, Менухин выступил в Кнессете с призывом превратить Иерусалим в общий центр трех великих религий. Его воля все время была направлена к тому, что он говорил нам в Москве.

Я бы вовсе об этом забыл, но недавно, читая книгу известного педагога, члена Академии педагогических наук Ш. Амонашвили, натолкнулся на девиз другого благородного движения, где мне хотелось переменить только последнюю длинную строку, про путь. Я выписал в эпиграфе то, что написал Амонашвили, но закончил бы примерно так: путь постоянного прояснения и восстановления духовного образа, заложенного в ребенке и разрушаемого во взрослом. Путь постоянного творческого усилия, восстанавливающего единство духа. Этот девиз зовет нас, всех, кто услышал его, не дожидаясь конца национальных и конфессиональных споров, всем вместе противостоять вихрям, вырывающим человека из самого себя.

То, что культура – общее место всех ценностей, – немудрено сказать. Но Амонашвили удалось, в порыве вдохновения, создать образ, в котором соединилось все то, что религии и нации разобрали по своим углам. Это образ глобального противовеса делам, оставляющим все меньше и меньше места для целостной жизни.

Дело всегда направлено на отдельные предметы, всегда превращает Дерево в древесину, и человек всегда имел дело с какой-то техникой, хотя бы это был топор или мотыга. Но всё шло с песней или, по крайней мере, чередовалось с песней и танцем, в которых каждый снова чувствовал себя свободным и свободно входил в ритм космоса. А сегодня человек вырван из этого ритма. Он подчиняется темпам и тактам машин, вытаскивается из себя и теряет связь со своей глубиной.

Чем быстрее темп развития, тем труднее оставаться человеком. Создается множество удобств,

но исчезает чувство целого и смысл жизни. Надо как-то вырваться из “скучной истории” чеховского профессора, как-то бороться за жизнь, в которую вернулся смысл. И определение Амонашвили собирает в фокус несколько важнейших смыслообразующих слов. Это не определение, а гимн культуре. Каждая строка – гипербола. Но в поэзии гипербола на своем месте, а в разговоре о педагогике гимн, вырвавшийся из сердца, – как раз то, чего ей недостает, что отодвинуто и отодвигается все дальше подготовкой функционеров.

На первых страницах своей книги Амонашвили рассуждает о теории цивилизаций и других предметах, требующих долгого разбора. Но потом он погружается в свою стихию, и здесь он – не боюсь употребить это слово – здесь он гениален.

Дальше я буду исходить из разделения, которое Мартин Бубер провел между двумя мирами: мир Я – Ты и Я – Оно. Грубо говоря: я в мире людей и я в мире вещей. История много раз пересекала здесь границы. В бесписьменном обществе медведь – тоже Ты, да и сегодня животное, вызвавшее особое к себе отношение, становится Ты. И природа, когда мы ее созерцаем, а не рубим лес, – Ты. А человек становится Оно, когда его за человека не считают или когда он сам становится биологической машиной и целиком погружен в свои функции. Чем сложнее аппарат управления, чем больше разрастается техногенный мир, тем сильнее функции втягивают в себя человека и вытягивают из сердца, из глубины. И повсюду, где складываются творческие натуры, они борются с этим, восстанавливают, насколько можно, свою область отношений Я – Ты, человека с человеком, учителя с учеником, дирижера с залом.

Борьба за восстановление человека в человеке идет, начиная с сохранения детства в ребенке и дальше, дальше – до сохранения образа и подобия Божьего в любви мужчины и женщины, в отношениях родителей с детьми и т.п. Это начало большой педагогики, длящейся до седых волос, до сближения средне образованного человека с духовными сокровищами всех великих культур, до вручения ему ключа ко всем искусствам, древним и новым, ко всем путям вглубь самого себя, в меру способностей каждого угадывать Божий след в природе и в искусстве. Это очень долгий путь, но только так можно будет возвести сперва шатер для немногих, а потом и прочные стены и крышу глобального диалога или, может быть, глобального симбиоза великих культур над нынешним техническим и финансовым фундаментом, остающимся открытым всем разрушительным силам.

В сфере Я – Ты, которую мы восстанавливаем, строгая наука, умеющая все сосчитать, только анатомирует трупы. Здесь теория Раскольникова логически приводит к выводу, что бесполезную старушку надо убить, а сердце откликается ужасом. Здесь мнимонаучное понимание социализма привело к убийству не то сорока, не то шестидесяти миллионов человек и обескровило Россию. Здесь ум и сердце находятся в постоянном разговоре, и англичане правы, исключая “гуманитарное” из сферы математически истинного и не пытаюсь превратить историю в область строгих расчетов. Мы морочим сами себе голову, называя одним и тем же словом “наука” понимание физических процессов – и понимание человека. Ибо человек не делится на части и так же непостижим, как Бог. Во всяком случае, такова сильно развитая личность. Четыреста лет люди пишут о Гамлете, о Дон Кихоте, – и Гамлет остается для нас тайной, и Дон Кихот – тайна, постижимая только интуицией.

Разумеется, человека можно довести до атомарного факта. Для этого есть старый способ: одеть в униформу или в мундир чиновника. И есть новый способ: увлечь щекоткой нервов по телу и переплести эротику и агрессию с рекламой. В обоих случаях человек исчезает в солдате, в чиновнике, в покупателе, в других живых единицах, и из них можно потом строить разные социальные структуры, социальные щелочи и кислоты. Но вот беда! В какой-то миг исковерканный и согнутый в бараний рог человек бунтует и дает пинок хрустальному зданию. Это предвидел Достоевский в “Записках из подполья”. Иррациональное мстит – и взрывает

башни в центре Нью-Йорка. Иррациональное мстит – и отбивает охоту заботиться о потомках; постмодернистская культура умирает вместе с Богом, которого она отвергла.

Приходится вспомнить некоторые ненаучные высказывания. Первое принадлежит архиепископу Кентерберийскому Рамзаю: "...человеческая душа – бездна, которую может заполнить только Бог". Второе принадлежит Антонию Блуму, митрополиту Сурожскому: "Грех – это потеря контакта с собственной глубиной". В этот ряд встанет и то, что пишет Шалва Амонашвили: "В чаше ребенка сияет зародыш зерна культуры". Зародыш зерна культуры теряет сияние, если его не подкармливать, если его не выращивать, а когда он заглох – восстанавливать. И эта работа – суть культуры как творческого процесса, суть работы всех людей, целиком отдавших себя культуре, рыцарей культуры – начиная с воспитательницы детского сада, кончая прославленными виртуозами.

Сегодня люди действуют поодиночке или в оторванных друг от друга областях. Моя попытка связать начинание Менухина с начинанием Амонашвили, может быть, не удастся. Но как-то надо собирать силы против глобального разрушения человека, как-то надо бороться за недвойственность национального и вселенского, религиозной и светской культуры, созерцания и дела. Без стремления к этому, без вечного противовеса центробежным силам – развитие грозит распадом.

В школьной педагогике равновесие воспитания, готовящего цельного человека, и образования (как подготовки к делу) – проблема, которая постоянно решается и постоянно всплывает вновь. Об этом много и хорошо писал Евгений Ямбург. Однако этого мало. Человек, окончивший школу, не готов к жизни, надо довоспитывать взрослых, помогать тем, кто сам стремится к цельности, и понемногу подталкивать на этот путь. То, что Горький назвал своими университетами, длилось у меня до сорока–сорока пяти лет, когда сложился мой стиль, а кое в чем я и сейчас, подойдя к десятому десятку жизни, продолжаю доучиваться. К этому мне хочется звать всех, кто не потерял стыда и стыдится своих потерянных лет.

Если эта статья вызовет отклики, можно будет поговорить, что сделать сегодня: в программах высших учебных заведений, народных университетов, в расширении программ культуры по ТВ. Начать можно с немногого. Дорога в тысячу ли начинается с первого шага.